

О ВТОРОЙ СТИХОТВОРНОЙ ВСТАВКЕ В ПУШКИНСКОЙ «<ПОВЕСТИ ИЗ РИМСКОЙ ЖИЗНИ>» («ЧТО С ТОБОЙ, СКАЖИ МНЕ, БРАТЕЦ?..»)

Стихотворение «Что с тобой, скажи мне, братец?..», сохранившееся в пушкинском архиве только в черновом наброске (ПД 79),¹ появилось в печати почти семьдесят лет спустя после смерти поэта. В. А. Жуковский не включил его в дополнительные тома «посмертного» Собрания сочинений, куда вошли не изданные произведения Пушкина. Отказался от его публикации и П. В. Анненков в Собрании сочинений, подготовленном им в 1855–1857 годах.

Черновой автограф этого стихотворения первым прочитал И. В. Анненков и записал его текст в «толстой тетради не бывших в печати стихов», снабдив пометой: «на лоскутке».² Отправляя эту тетрадь брату в августе 1852 года, он писал: «Я распорядился так: посылаю тебе *все пакеты*³ с стихотворениями и мою тетрадь, где я сделал выписку того, что не было в печати; она тебе заменит напрасный труд самому рыться в лоскутках».⁴

Тетрадь, о которой идет речь в письме, в свою очередь, послужила основой еще для одной, где набросок «Что с тобой, скажи мне, братец?..» был включен в отдел «Цельные стихотворения — оконченные», озаглавленный тем же И. В. Анненковым. Писарскую копию наброска во второй тетради также сопровождают его пометы: «без означения года» и «можно ли?». На сомнение брата П. В. Анненков ответил лаконично: «Не надо».⁵

¹ Здесь и далее ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 244. Оп. 1), даются сокращенно: ПД, с указанием номера единицы хранения и в случае необходимости листа рукописи.

² И. В. Анненков ошибся в чтении только одного слова (в ст. 10: «дивным» вместо «диким»): ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 8. № 53. Л. 152 об.

³ Выделено автором. Имеются в виду пакеты большого и малого форматов, куда в ходе посмертного досмотра пушкинского архива складывались автографы на отдельных листах, не списанных жандармскими писарями в тетради (подробнее об этом см.: Цявловский М. А. «Посмертный обыск» у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 276–356).

⁴ Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 395. Отметим попутно, что при подготовке этого сборника трудов Модзалевского, изданного посмертно, в датировку четырех писем И. В. и Ф. В. Анненковых к П. В. Анненкову вкралась ошибка (видимо, редакторская). В преамбуле к публикации фрагментов писем, связанных с первоначальным этапом подготовки анненковского издания сочинений Пушкина и заключением договора с Н. Н. Пушкиной (Ланской), Модзалевский, опираясь на реально-биографический контекст, справедливо отнес к 1851 году три письма, датированные в оригинале 21 апреля, 12 и 19 мая (с. 286), и к 1852 году — письмо с датой 26 августа (с. 291, прим. 4). При этом в самой публикации при всех письмах указан 1852 год. Это противоречие, к сожалению, осталось не отмеченным в новейшем переиздании трудов основателя Пушкинского Дома (см.: Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники: Избр. труды (1898–1928) / Сост. и прим. А. Ю. Балакина. СПб., 1999. С. 443, 447, 497, 498, 504, 505).

⁵ См.: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 8. № 56. Л. 19 об. О «подготовительных» тетрадях И. В. и П. В. Анненковых также см.: Ларионова Е. О. Мелочи о Пушкине. 2. Псевдопушкинское четверостишие

Именно по этой копии стихотворение «Что с тобой, скажи мне, братец?..» впервые напечатал И. А. Шляпкин, который в 1899 году приобрел анненковские тетради вместе с частью пушкинского архива у сына И. В. Анненкова.⁶ В своей публикации Шляпкин предложил широкую датировку пушкинского наброска: «1820–1825 гг.», оставив без объяснений принятое решение. Позднее датировка Шляпкина была зафиксирована и на самом автографе стихотворения,⁷ который в составе другой части пушкинского архива, оказавшейся у П. В. Анненкова, был передан его вдовой академику Л. Н. Майкову. В 1904 году пушкинское собрание Майкова поступило в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук и было описано В. И. Срезневским, воздержавшимся от датировки интересующего нас автографа.⁸ С 1903 года набросок «Что с тобой, скажи мне, братец?..» обрел постоянное место в собраниях пушкинских сочинений⁹ с предположительной датировкой 1825 годом, принятой всеми редакторами — от П. О. Морозова¹⁰ до М. А. Цявловского,¹¹ Д. Д. Благого¹² и Б. В. Томашевского.¹³ При этом отнесение стихотворения (пусть даже гипотетическое) к конкретному году михайловской ссылки поэта никак не аргументировалось в этих изданиях. Долгое время относительно заверченный черновой отрывок «Что с тобой, скажи мне, братец?..» оставался и без историко-литературного комментария — довольно редкий случай в пушкиноведении. Ему посвящены только две специальные работы, напечатанные 20 лет назад в новой серии академического издания «Пушкин и его современники».

Автор первой из них — С. В. Березкина — в предложенной ею интерпретации стихотворения опирается на высказанную вскользь догадку Б. Н. Хандрос (о Льве Пушкине как возможном адресате стихотворного послания¹⁴) — «единственно верную», по ее убеждению: «В образе „братца“, скрывающего свои тайные занятия поэзией, <...> представлен Л. Пушкин, который, как он писал об этом Юзефовичу, и в зрелые годы не мог избавиться от своего мучителя — „поэтического демона“».¹⁵ Исследовательница датирует набросок

«Там на берегу, где дремлет лес священный...» // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2013. Вып. 31. С. 153–154.

⁶ См.: Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. VI–VII, 63, 66.

⁷ Составители описания пушкинских рукописей атрибутировали эту карандашную помету Л. Н. Майкову (см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 33). Но скорее всего, ее оставил В. Е. Якушкин, который во второй половине 1900-х годов работал с пушкинскими автографами из собрания Майкова при подготовке второго и третьего томов первого академического издания Собрания сочинений Пушкина.

⁸ См.: Срезневский В. И. Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой // *Пушкин и его современники*. СПб., 1906. Вып. 4. С. 3 (№ 4).

⁹ Решительно отрицал принадлежность Пушкину «стишков» «Что с тобой, скажи мне, братец?..» один П. А. Ефремов (см.: *Пушкин А. С. Соч.* / Под ред. П. А. Ефремова. [СПб.], 1905. Т. 8. С. 312).

¹⁰ См.: *Пушкин А. С. 1) Соч. и письма* / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Просвещение, 1903. Т. 2. С. 390–391; 2) *Соч.* / Изд. Имп. Академии наук; под ред. П. О. Морозова. Пг., 1916. Т. 4. С. 200, 285.

¹¹ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 666.

¹² *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1837–1937: [В 16 т.]*. М.; Л., 1947. Т. 2. Ч. 1. С. 448; 1949. Т. 2. Ч. 2. С. 1174. Далее ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием в скобках номера тома и страницы; «справочный» том, вышедший в 1959 году, обозначается как том 17.

¹³ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т.* / Под ред. Б. В. Томашевского. 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 265, 381.

¹⁴ «С приключениями Левушки, как мы предполагаем, связано еще одно, написанное в Михайловском, стихотворение поэта» (*Хандрос Б. Н. Левушка Пушкин: Киевская находка* // *Хандрос Б. Н. Всматриваясь в лица: Художественно-документальные повествования*. Киев, 1981. С. 94).

¹⁵ Березкина С. В. О стихотворении Пушкина «Что с тобой, скажи мне, братец...» // *Пушкин и его современники: Сб. науч. трудов*. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 160.

между 9 августа и началом ноября 1824 года (временем общения братьев Пушкиных в Михайловском) и видит в нем отражение одного из эпизодов их вольной деревенской жизни.¹⁶

Статья С. В. Березкиной сразу же вызвала полемический отклик Л. С. Дубшана, который в свою очередь предположил, что пушкинские стихи представляют собой эпиграмму на лицейского «брatца» и поэта Вильгельма Кюхельбекера. По мнению исследователя, она могла быть написана в первой половине декабря 1825 года — по прочтении «драматической шутки» В. К. Кюхельбекера «Шекспировы духи», присланной автором в Михайловское, и до получения известий о событиях 14 декабря в Петербурге.¹⁷

По-разному интерпретируя набросок, время его создания и возможного адресата,¹⁸ а также связанный с этим биографический и историко-литературный контекст, оба исследователя единодушно высказали сожаление о невозможности опереться на палеографическую составляющую при датировке рукописи. Бумага, на которой написано стихотворение «Что с тобой, скажи мне, братец?..», значится под № 36 в таблице сортов бумаги, разработанной Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским, и там под этим номером, действительно, зафиксирован только автограф ПД 79.¹⁹ Подобные случаи, когда определенный сорт бумаги соотнесен лишь с одним автографом из пушкинского архива, нередки. Чтобы убедиться в этом, достаточно беглого просмотра обоих описаний, подготовленных Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским, — печатного (для рукописей, хранившихся в Пушкинском Доме) и неопубликованного, но доступного для работы машинописного (для рукописей, хранившихся в Библиотеке им. В. И. Ленина).²⁰ Заметим, что эти описания, в которых систематизировано до 300 сортов бумаги, бывшей в употреблении Пушкина, составлены более 80 лет назад, когда рукописи поэта были рассредоточены по нескольким архивохранилищам. В таких условиях идентификация бумаги автографов, написанных на клочках и более или менее крупных фрагментах фабричного листа, представляла особые трудности и не могла быть свободна от ошибок и погрешностей (в том числе и неизбежной дробности в классификации сортов, особенно для бумаги без водяных знаков). «Возможно, что объединенные по формату автографы написаны на разных сортах бумаги; меньше вероятия, что бумага, зарегистрированная под разными номерами сортов, в действительности принадлежит одному сорту, хотя отдельные случаи подобного рода возможны», — отмечали составители, выражая при этом твердую уверенность, что «полное описание бумаги Пушкина явится и источником новых, более точных датировок».²¹ Сегодня, когда все пушкинские рукописи, за редким исключением, сосредоточены в Пушкинском Доме, исследователи при решении собственно текстологических задач могут не только по достоинству оценить фундаментальный труд Л. Б. Модзалевского

¹⁶ Датировка С. В. Березкиной закреплена в изд.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*: В 4 т. М., 1999. Т. 1. 1799–1824. С. 433.

¹⁷ См.: *Дубшан Л. С.* «Что с тобой, скажи мне, братец?..» (Адресат и подтексты) // *Пушкин и его современники*: Сб. науч. трудов. СПб., 2000. Вып. 2 (41). С. 171–193.

¹⁸ Отметим, что составители «большого» академического издания не связывали набросок «Что с тобой, скажи мне, братец?..» ни с Л. С. Пушкиным, ни с В. К. Кюхельбекером. Об этом свидетельствуют соответствующие позиции в «Указателях имен» ко второму и «справочному» томам, где отсутствуют отсылки к этому стихотворению (см.: 2, 1219, 1224; 17, 256, 367).

¹⁹ См.: *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме*. С. 303.

²⁰ См.: *Описание бумаги А. С. Пушкина в автографах его, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина* / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Л., 1936 (машинопись; хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома).

²¹ *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме*. С. XIII.

и Б. В. Томашевского,²² но и пополнять его своими посильными наблюдениями. Так, например, во время подготовки научного описания болдинских рукописей 1830 года удалось идентифицировать бумагу под № 39 и № 42 как принадлежащую одному сорту.²³ Аналогичный результат дало и палеографическое изучение рукописи при датировке чернового наброска «Генералу Пушкину» («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел...») для нового академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, когда выяснилось, что бумага № 106 (автограф послания — единственный, отнесенный к этому сорту) и № 97 (под этим номером зафиксировано четыре автографа) — идентичны.²⁴

Результаты подобных палеографических разысканий не могут не обнадёживать: ведь не исключено, что и бумага № 36, на которой записано стихотворение «Что с тобой, скажи мне, братец?..», может иметь сорт-«близнец». Проследим подробно все этапы его поиска, так как они имеют не только вспомогательное, «техническое» значение, но, безусловно, полезны в методическом плане.

Обратимся прежде всего к описанию автографа «Что с тобой, скажи мне, братец?..».

Рукопись ПД 79 представляет собой четверку полного фабричного листа (224 × 179 мм) белой бумаги верже с обыкновенным обрезом и сохранившейся внизу частью маркировочной филигрانی: «А Г» (то есть «Афанасий Гончаров»). Последняя характеристика свидетельствует о том, что мы имеем дело с фрагментом левого полулиста. При этом в таблице бумаги указано, что для сорта № 36 правый полулист не обнаружен,²⁵ а также зафиксировано предположительное (со знаком вопроса) использование этой бумаги в 1825 году. В «Предисловии» к описанию рукописей его составители особо отмечали, что «датировка произведений <...> не всегда покоится на твердых данных и часто устанавливается из побочных соображений», — во-первых, и что при подготовке описания «не было проделано специальной работы по пересмотру всех датировок и принимались датировки, получившие обращение и не отвергнутые к настоящему времени»,²⁶ — во-вторых. Как видим, предпочтение составителей было отдано традиционной датировке наброска «Что с тобой, скажи мне, братец?..», хотя она явно противоречила собственным наблюдениям Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, накопленным в процессе изучения структуры и динамики пушкинского потребления бумаги: «Характерно, что для определенных периодов жизни Пушкина типична та или иная бумага, при общей пестроте и разнообразии сортов. Так, Гончаровская бумага привычна для Пушкина, начиная с 1830 г. (за исключением, впрочем, осени, проведенной в Болдине); для первого петербургского периода 1817–1820 гг. характерна бумага Попова и Ольхина; для времени пребывания его на юге и в Михайловском употребительны разные сорта иностранной бумаги».²⁷

Несмотря на то, что стихотворение «Что с тобой, скажи мне, братец?..» записано на «лоскутке» (вспомним выражение И. В. Анненкова), наличие таких качественных характеристик бумаги, как «вержировка» и маркировоч-

²² О значении этого труда, не имеющего аналогов для архивов писателей XVIII–XX веков, см., в частности, новейшее исследование: Цыпкин Д. О. Об одной историографической легенде: начало изучения русского бумажного штемпеля // Фотография. Изображение. Документ. СПб., 2013. Вып. 4 (4). С. 41–62.

²³ См.: Красноборо́дько Т. И. Предисловие // А. С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авторы-сост. Т. И. Красноборо́дько, С. Б. Федотова. СПб., 2013. Т. 1. С. 86, 192–193.

²⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 668, 683, 699–700, 861.

²⁵ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 303.

²⁶ Там же. С. XIII.

²⁷ Там же. С. XIV.

ный знак фабрики Гончаровых, повышает шансы в поиске аналогичного сорта из тех, которые уже определены Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским. Кроме того, мы имеем дело с достаточно крупным и хорошо сохранившимся фрагментом in-4°, что также увеличивает вероятность реконструкции если не полного фабричного листа, то хотя бы левой его половины.

Изучение таблицы сортов бумаги, составленной Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским, показало, что в первом приближении бумага № 36 совпадает только с бумагой № 41 (верже белая с обыкновенным обрезом, формат писчего листа, водяной знак с литерами: «А Г» внизу левого полулиста). В отличие от № 36 этот сорт представлен и фабричным полным листом, на правой половине которого находится вторая часть водяного знака с годом отлива бумаги: «1834». В печатном «Описании бумаги» к этому сорту отнесено 25 рукописей,²⁸ в машинописном — 17²⁹ (все они датируются периодом 1834–1836 годов). Важно при этом, что часть автографов написана на неполных листах: на полулистах (правом — ПД 327, ПД 330 (л. 4), ПД 406 (л. 1), ПД 634 (л. 1); левом — ПД 262 (л. 3), ПД 366, ПД 390 (л. 10), ПД 404 (л. 14), ПД 405,³⁰ ПД 1025 (л. 1/2, 6/7), ПД 1031 (л. 5)) и на четверке без водяных знаков (ПД 224). Сюда следует также добавить автографы ПД 821 (фабричный полный лист), ПД 975 (нижняя четверка левого полулиста) и ПД 1727 (левый полулист), не вошедшие в описания Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского.

Сопоставление рукописи ПД 79 с автографами на бумаге № 41 дало ожидаемый положительный результат: по горизонтальной линии обрыва она совпала с одним из двух сохранившихся фрагментов in quarto (ПД 224) и составила с ним левый полулист (с водяным знаком «А Г» внизу), что подтвердило идентичность сортов бумаги под № 36 и № 41 (см. с. 10). Правда, попытка подыскать смежную половину фабричного листа не дала желаемого результата.³¹ Однако и сама по себе реконструированная нами половина фабричного листа несет чрезвычайно важную информацию не только о палеографическом контексте автографа стихотворения «Что с тобой, скажи мне, братец?..», но позволяет восстановить и его творческий контекст.

Итак, на второй четверке восстановленного полулиста оказался черновой автограф стихотворения «Кто из богов мне возвратил...» (ПД 224). Оно, как известно, представляет собой вольный перевод оды Горация «К Помпею». Пушкин обратился к ней в начале 1835 года, когда после продолжительной паузы вновь вернулся к одному из значительных своих замыслов — «<Повести из римской жизни>» («Цезарь путешествовал...»), оставленному в конце 1833 года.³² Главным героем этого повествования должен был стать Петроний —

²⁸ См.: Там же. С. 304.

²⁹ Современные архивные шифры: ПД 1025 (л. 1/2, 6/7), ПД 1026, ПД 1027, ПД 1030 (л. 1/2, 3/4, 13/14, 15/16, 17/18, 19/20), ПД 1031, ПД 1034, ПД 1037, ПД 1042, ПД 1063 (л. 1/2, 3/4), ПД 1109 (л. 19/38, 20/21, 22/23, 24/25), ПД 1110, ПД 1111, ПД 1113, ПД 1121, ПД 1129 (л. 1/7), ПД 1198 (л. 1/94, 2/3, 4/5, 6/7, 8/9, 10/11, 12/13, 14/15, 16/19, 17/18, 20/21, 22/23, 24/25, 26/27, 28/29, 30/31), ПД 1252.

³⁰ Включение в этот перечень ПД 405 (подготовительные записи-конспекты из «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова, относящиеся к 1713 году) в достаточной мере условно. В настоящее время рукопись представляет собой 27 фабричных полулистов бумаги № 41 с отрезанными (не Пушкиным) внутренними полосами (13 полос от левого полулиста, 14 — от правого), поэтому затруднительно утверждать, как выглядела эта рукопись изначально.

³¹ Отметим попутно, что систематическое обследование автографов, написанных на бумаге № 41, помогло также установить, что два из них: ПД 634. Л. 1 (черновик письма А. Х. Бенкендорфу от второй половины апреля — мая 1835 года) и ПД 1727 (набросок геральдического украшения) — составляли некогда фабричный полный лист. Его реконструкция позволила по-новому датировать автограф ПД 1727 (см.: *Краснобородько Т. И.* Предисловие. С. 85).

³² «Большое» академическое издание датирует начало работы Пушкина над замыслом из эпохи Нерона ноябрем 1833 года (8, 1057). Этой датировки придерживалась Н. Н. Петрунина

утонченный образованный аристократ в окружении Нерона («*arbiter elegantiae*» — «законодатель изящного вкуса», по характеристике Тацита³³), незаурядный человек своего времени, предполагаемый автор сатирического авантюрного романа «Сатирикон», обвиненный в заговоре против римского императора и принявший добровольную смерть в Кумах в 66 году н. э. Черновик перевода из Горация Пушкин писал уже на оторванной половине листа, после того как он в буквальном смысле слова подвел черту под наброском «Что с тобой, скажи мне, братец?..». Такое близкое палеографическое соседство двух стихотворений и практически одновременная работа над ними (судя по характеру почерка, перу, оттенку чернил) — не простая случайность. Свидетельство тому — фраза: «Не скромничай, продолжал»³⁴ на автографе ПД 224, которая изначально была продолжением текста (после черты) на нынешнем автографе ПД 79. Как самостоятельная запись, не поддающаяся истолкованию, она в свое время была отмечена в двух авторитетных описаниях чернового автографа «Кто из богов мне возвратил...»: М. Л. Гофманом — в «Неизданном Пушкине»³⁵ и Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским — в научном описании рукописей Пушкина.³⁶ Связь этой обрывочной фразы с «<Повестью из римской жизни>» восстановил Д. П. Якубович, введя автограф ПД 224 в круг источников текста повести (8, 1057³⁷), хотя, к сожалению, ему не удалось установить, что эта незаконченная запись представляет собой органическую часть рукописи с текстом «Что с тобой, скажи мне, братец?..». На то, что это стихотворение прямо связано с замыслом «<Повести из римской жизни>», указывает еще одна особенность его автографа, не отмеченная «большим» академическим изданием (см.: 2, 977–978) и никогда не привлекавшая внимания исследователей. Две вертикальные черточки у третьей строки в автографе ПД 79 — не что иное, как римская цифра «II», обозначающая вторую стихотворную вставку для незавершенного прозаического замысла «Цезарь путешествовал...». Точно такую же помету мы находим и в соответствующем месте черновой рукописи самой «<Повести из римской жизни>» (ПД 262. Л. 3; см. с. 11). Отметим попутно, что ее автограф (ПД 262) также записан на бумаге № 41 (он состоит из трех листов — фабричного полного листа и левого полулиста). Вот как выглядит транскрипция интересующего нас фрагмента:

«Петроній [разсужд<аль>] увидя меня, остановился и [вы <?>] произнесъ [насмѣшливо] шутиливо: II

[Не скромничай, продолжилъ Петроній, вынимай изъ подъ тоги свои дощечки; и прочит<ай>] Ты угадалъ, [Петр<оній>] отвѣчалъ я Петр.<онію>

в монографии «Проза Пушкина (Пути эволюции)» (Л., 1987. С. 291). Я. Л. Левкович, изучая историю заполнения Пушкиным рабочей тетради ПД 839, пришла к выводу, что первые страницы «<Повести из римской жизни>» были написаны в начале июня (до 8-го) 1833 года (см.: *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2003. Т. 16–17. С. 67, 75). Аргументация обеих точек зрения нуждается, на наш взгляд, в дополнительном изучении.

³³ Тацит К. Соч.: В 2 т. / Изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Л., 1969. Т. 1. С. 319.

³⁴ Последнее слово возможно прочитать и как «продолжил».

³⁵ «Кроме того, на другом конце страницы и также поперек, но в другое время, Пушкин начал какую-то запись: Не скромничай, продолжал» (Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина. Пб., 1922. С. 98 (прим. 1)).

³⁶ «Л. 1: „Кто изъ Боговъ намъ возвратилъ“; <...> повернув влево: строка, написанная прежде заполнения листа текстом стихотворения: „Не скромничай, продолжая“» (Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 88 (№ 224)).

³⁷ Здесь ошибочно указано, что запись выполнена карандашом.

[Гуляя въ здѣшнихъ садахъ] и подаль ему свои дощечки — [П.<етроній>] Онъ прочиталъ мои стихи» (см. с. 11).

По замыслу Пушкина, стихи молодого спутника Петрония, представляющие перевод «одной из од Анакреона», который он делает на записных дощечках, «желая развлечь как-нибудь печальные мысли» о предстоящей смерти своего «щедрого благодетеля» и друга (8, 388), должны были стать первой стихотворной вставкой в тексте повести.

И если к этой и третьей стихотворным вставкам в рукописи ПД 262 остались более или менее прозрачные «подсказки», которые позволили редакторам собраний сочинений включить в текст «<Повести из римской жизни>» переложение «Оды LVI (Из Анакреона)» и вольный перевод оды Горация «К Помпею» («Кто из богов мне возвратил...») (по первому стиху, указанному Пушкиным: «Поседели, поредели»³⁸ — и по контекстной фразе: «Анакреон уверяет, что Тартар его ужасает, но не верю ему — также не верю трусости Горация. Вы знаете оду его?»; 8, 389), то автографический контекст пометы «П» действительно не давал исследователям никаких ориентиров для выбора «подходящего» стихотворения.

Добавим еще одно палеографическое наблюдение. О том, что автографы стихотворения «Что с тобой, скажи мне, братец?..» (ПД 79) и «<Повести из римской жизни>» (ПД 262. Л. 1/2, 3) составляли некогда единый комплекс в рабочем архиве Пушкина (вплоть до «посмертного досмотра» бумаг поэта), свидетельствуют проставленные на них жандармские цифры от «9» до «13». Их расположение боком к тексту (кроме цифры «9») подсказывает, в каком виде осталась рукопись «<Повести из римской жизни>», когда Пушкин прекратил работу над ней. Двойной лист автографа ПД 262 был согнут пополам, в него (как в обложку) Пушкин вложил также согнутый полулист ПД 262, а внутрь него — «лоскуток» ПД 79. В таком виде, как тетрадошка «в четверку», листы и были пронумерованы жандармским писарем: «9» (верхняя половина ПД 262. Л. 2 об.) — «10» (нижняя половина ПД 262. Л. 3) — «11» (ПД 79) — «12» (верхняя половина ПД 262. Л. 3 об.) — «13» (нижняя половина ПД 262. Л. 1).³⁹

³⁸ Беловой автограф этого стихотворения на отдельном клочке бумаги (ПД 204), как и автографы еще двух переводов из Анакреона на подобных клочках — «(Из Анакреона). Отрывок» («Узнают коней ретивых...») и «Ода LVII» («Что же сухо в чаше дно?..»), — помечены 6 января 1835 года и, возможно, были написаны незадолго до того, как Пушкин вернулся к замыслу «Цезарь путешествовал...». П. В. Анненков, между прочим, сообщает, что обнаружил эти автографы, в ряду других антологических стихотворений, «в особенном пакете, куда <они> вложены были, вероятно, самим Пушкиным» (Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 353).

³⁹ Не исключено, что первоначально в этой пачке рукописей был и черновой автограф «Кто из богов нам возвратил...», начатый Пушкиным на части того же полулиста, что и стихотворение «Что с тобой, скажи мне, братец?..», и оставленный на стихе: «[Как я бежал! Как я дрожал! / Но Эрмий]» (ПД 224. Л. 1). Этот «лоскуток» какое-то время спустя Пушкин, скорее всего, сам вынул из пачки рукописей, относящихся к замыслу повести об эпохе правления Нерона, чтобы продолжить работу над переводом из Горация на чистом обороте листа (возможно, уже вне связи с замыслом «<Повести из римской жизни>»). Черновой автограф ПД 224 (на нем — жандармская помета «69»), судя по почерку и перу, сразу же был перебелен на отдельный листок (ПД 980), оторванный от письма М. И. Калашникова (от этого письма управляющего Пушкина сохранились только фрагменты последней фразы и подпись-автограф). Именно по автографу ПД 980 стихотворение было посмертно напечатано в ряду «лицейских опытов» Пушкина под редакторским заглавием «Гораций» — сначала в «Сыне отечества» его редактором А. В. Никитенко (1840. Т. 2. Кн. 2. Март–апрель. С. 250–251) и вслед за ним — в девятом томе «посмертного» Собрания сочинений, подписанного к печати 29 апреля 1840 года тем же А. В. Никитенко, но уже в качестве цензора (см.: Пушкин А. Соч. СПб., 1841. Т. 9. С. 335–336). Перебеленный автограф перевода из Горация (ПД 980) остался в архиве Пушкина. Лист же с черновым автографом «Кто из богов мне возвратил...» (ПД 224) оказался у В. А. Жуковского (впоследствии — в Онегинском собрании), надолго утратив изначальную связь с рукописями «Что с тобой, скажи мне,

Это исходное единство рукописи, зафиксированное жандармской нумерацией, разрушил И. В. Анненков, который вынул из сложенной Пушкиным тетрадки «лоскуток» со стихотворением «Что с тобой, скажи мне, братец?..».⁴⁰ И поэтому П. В. Анненков, первым обратившийся к черновикам пушкинского замысла «Цезарь путешествовал...», уже не мог осознавать связи этого стихотворения с «весьма любопытными», как он писал, отрывками «повествования из быта древнего мира» — «бессвязными и набросанными по разным листкам бумаги», «в таком необделанном и обрывочном виде, что едва сохранена <...> необходимая связь рассказа».⁴¹ Место, обозначенное в рукописи повести цифрой «II», П. В. Анненков заполнил еще одним пушкинским переводом из Анакреона («Узнают коней ретивых...») — по жанровой и хронологической близости с первой стихотворной вставкой «Поседали, поредали...».⁴² Очевидная условность такого выбора, конечно же, осознавалась позднее всеми издателями пушкинских сочинений, но оставалась безальтернативной (см.: 8, 935 (прим. 13), 1057).

Палеографический контекст рукописи ПД 79, восстановленный в процессе ее изучения, позволил дать окончательный ответ на вопрос о второй стихотворной вставке в «<Повести из римской жизни>». Пушкинский Петроний, любивший «игру мыслей, как и гармонию слов», и писавший «стихи не хуже Катулла» (8, 388), приветствовал своего молодого друга-стихотворца, погруженного в «печальные мысли», не одой Анакреона «Узнают коней ретивых...», а «собственным», оригинальным экспромтом:

братец?..» (ПД 79) и «<Повести из римской жизни>» (ПД 262), которые остались у братьев Анненковых. «Большое» академическое издание датирует перевод оды Горация «К Помпею» предположительно первой половиной 1835 года (3, 1259). И. З. Сурат, обратив внимание на «личный, биографический подтекст» первых строк чернового автографа («О первый из друзей моих», «Мой первый друг»), предположила, что они отсылают к посланию «<И. И. Пущину>» («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») и что «перевод оды Горация содержит в себе имплицитное обращение к лицейскому другу» (11 января 1835 года исполнилось 10 лет со дня последней встречи Пушкина и Пущина в Михайловском). Исходя из этого, она предложила датировать перевод из Горация январем 1835 года (*Сурат И. З.* «Кто из богов мне возвратил...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2012. Вып. 2. Е–К. С. 555, 559; см. также: *Сурат И. З.* «Кто из богов мне возвратил...» (Пушкин, Пущин и Гораций) // Сурат И. З. Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах. М., 2009. С. 162–163). Это уточнение можно считать справедливым только для первой части чернового автографа «Кто из богов нам возвратил...» (ПД 224. Л. 1), работа над которым шла параллельно с прозаической частью «<Повести из римской жизни>» (ПД 262) и черновиком отрывка «Что с тобой, скажи мне, братец?..» (ПД 79). Высказанное в литературе мнение, что послание «Кто из богов мне возвратил...» обращено к другому лицейскому товарищу-декабристу — В. К. Кюхельбекеру и вызвано его письмом к Пушкину от 12 февраля 1836 года (об освобождении из крепостного заточения в Свеаборге и переводе на поселение в Баргузин), и основанную на этом передатировку стихотворения мартом–июлем 1836 года, а возобновление работы над «<Повестью из римской жизни>» — летом 1836 года нельзя признать состоятельными (см.: *Аринштейн Л. М.* Непрочитанное послание Пушкина к Кюхельбекеру // Россия, Запад, Восток: Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. Л., 1996. С. 218–224).

⁴⁰ В тетради, посланной брату (см. прим. 2, 3), И. В. Анненков на поле рядом с копией прочитанного им стихотворения «Что с тобой, скажи мне, братец?..» оставил точное топографическое указание о местонахождении «лоскутка» с автографом в пушкинском архиве: «боль. <шой пакет> 10 — мал. <ый пакет> 3 — лист 11». Вероятнее всего, именно этот большой пакет № 10 («Манускрипты в прозе. Отрывки семь пакетов») зафиксирован в «Описи бумагам Александра Сергеевича Пушкина», в соответствии с которой Жуковский, уезжая за границу в 1838 году, передал находившиеся у него рукописи Пушкина Опеке над детьми и имуществом поэта (см.: *Цявловский М. А.* «Посмертный обыск» у Пушкина. С. 318). В одном из этих семи пакетов (под № 3), видимо, и находилась «тетрадка» незавершенной «<Повести из римской жизни>» вместе с автографом «Что с тобой, скажи мне, братец?..», отмеченным жандармской цифрой «11».

⁴¹ *Анненков П. В.* Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. С. 396.

⁴² См.: Там же. С. 399.

Что с тобой, скажи мне, братец?
Бледен <ты> как святотатец,
Волоса стоят горой!
Или с девой молодой
Пойман был [ты у забора],
И, приняв тебя за вора,
Сторож гнался за тобой?
Иль смущен ты привиденьем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?

(2, 448)

Этот черновой набросок представляет, таким образом, пушкинский опыт стихотворного подражания автору романа «Сатириконе», написанного в жанре «менипповой сатуры», который «характеризуется свободным соединением стихов и прозы, серьезности и комизма, философских рассуждений и сатирического осмеяния, общей пародийной установкой, а также пристрастием к фантастическим ситуациям <...>, создающим для персонажей возможность свободного от всяких условностей поведения».⁴³

Возвращенный стихотворению «Что с тобой, скажи мне, братец?..» художественный и историко-культурный контекст позволяет обнаружить в ироничной эпиграмме, сочиненной Пушкиным в духе Петрония, некоторые лексические совпадения и сюжетные параллели, отсылающие к античному роману. Правда, натуралистическая откровенность и грубые реалии «Сатириконе» отсутствуют в фамильярно-дружеском экспромте пушкинского Петрония, предстающего в набросках «<Повести из римской жизни>» человеком «обширного ума» и «прекрасной души»: «Его суждения обыкновенно были быстры и верны. Равнодушие ко всему избавляло его от пристрастия, а искренность в отношении к самому себе делала его проницательным. Жизнь не могла представить ему ничего нового; он изведal все наслаждения; чувства его дремали, притупленные привычкою. — Но ум его хранил удивительную свежесть» (8, 388). Во второй стихотворной вставке к «<Повести из римской жизни>» Пушкин сумел соблюсти ту меру «строгой благопристойности в шуточном описании нравов», о которой писал в черновиках предисловия к первой главе «Евгения Онегина», замечая при том, что «Ювенал, [Катулл, Апулей,] Петрон, Вольтер и Байрон — далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу» (6, 528).

Ограничимся несколькими предварительными наблюдениями.

Обращение «братец», имеющее в «Словаре языка Пушкина» два определения (ласкательное к существительному «брат» в значении «кровный родственник» и «разговорно-фамильярное обращение к лицу мужского пола»⁴⁴), в контексте «<Повести из римской жизни>», возможно, получает и дополнительную семантическую нагрузку.

Так, «брат» и «братец» — обращаются друг к другу главные действующие лица «Сатириконе»: образованный бродяга Энколпий, от лица которого ведется повествование и который, по его собственному признанию, «совершил предательство, убил человека, осквернил храм», убил священного гуся —

⁴³ Большой Российский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 931. Подробнее о «Сатириконе» Петрония см.: Стрельникова И. П. Сатирико-бытовой роман. Петроний // Античный роман. М., 1969. С. 273–331.

⁴⁴ Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 170–172. Здесь слово «братец» в стихотворении «Что с тобой, скажи мне, братец?..» отнесено ко второму значению.

любимца бога сладострастия Приапа,⁴⁵ Аскилт — его спутник, «молодой человек, погрязший во всяческом сладострастии»,⁴⁶ и 16-летний мальчик Гитон, «кудрявый, нежный, красивый»⁴⁷ — предмет любовной страсти и постоянной ревности первых двух. Как отмечает в примечании к соответствующему месту «Сатирикона» Б. И. Ярхо, «брат, братец (frater) обозначает здесь не родство и не фамильярно-ласкательное обращение. Братом и сестрою (frater, soror) в Риме звали друг друга нежничающие любовники, что сохранилось до сих пор в некоторых наречиях итальянского языка, в испанском и в уличном жаргоне Парижа и Марселя. Этот смысл имеет и frater, обращенный Энколпием к прекрасному отроку Гитону».⁴⁸ В романе Петрония слова «брат» и «братец» употребляются только в этом значении.⁴⁹ Фиксирует его и «Латинско-французский словарь» Ф. Ноэля, бывший в распоряжении Пушкина.⁵⁰ Оно отмечено и в комментариях к двухтомным изданиям «Сатирикона» (с параллельными латинским и французским текстами), которые сохранились в библиотеке Пушкина: кельнском 1694 года (на его переплете вытиснены нерасшифрованные инициалы прежнего владельца: W. C. v. T.)⁵¹ и парижском (1834–1835) — с «новым переводом» Ш. Э. Дегерля (C. H. de Guerle) и «со скептическими разысканиями» Ж. Н. М. Дегерля (J. N. M. de Guerle).⁵² Последнее издание входило в серию «Латинско-французской библиотеки, издаваемой Ш. Л. Ф. Панкуком» («Bibliothèque Latine-Française publiée par C. L. F. Panckoucke»), книги которой Пушкин регулярно приобретал в книжном магазине Ф. Беллизара (в библиотеке поэта сохранилось 153 тома этой серии). В одном из дошедших до нас счетов Беллизара, в котором учтены поставки Пушкину с 22 марта 1835 года, значится и 16 томов «Латинско-французской библиотеки» («liv. <raisons> 125 à 140»⁵³), купленных 23 мая 1835 года.⁵⁴ На корешке первого тома «Сатирикона», отпечатанного в Париже в 1834 году, обозначено: «СХХII^e livr. <aison>»⁵⁵ — значит, эта книга входила в один из предыдущих счетов (оплаченных Пушкиным и потому несохранившихся) и появилась в его библиотеке до 22 марта 1835 года. Случайно или нет, но доставка в Петербург очередного тома «Латинско-французской библиотеки» с новым изданием романа Петрония, который давно занимал внимание Пушкина, совпала с возобновлением в начале 1835 года его работы над замыслом о трагической судьбе римского писателя.⁵⁶

⁴⁵ См.: *Петроний Арбитр*. Сатирикон. М., 1990. С. 210, 220–223 (репринт. изд.: *Петроний Арбитр*. Сатирикон / Пер. под ред. Б. И. Ярхо. М.; Л., 1924).

⁴⁶ Там же. С. 137.

⁴⁷ Там же. С. 156.

⁴⁸ Там же. С. 48 (прим. 22).

⁴⁹ См.: Там же. С. 50, 51, 60, 70, 134–136, 149, 205 и др.

⁵⁰ См.: Noel F. J. M. Dictionarium latino-gallicum. Dictionnaire Latin-Français, composé sur le plan de l'ouvrage intitulé... Paris, 1825. P. 409 (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 301 (№ 1222)).

⁵¹ См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. С. 309 (№ 1258).

⁵² См.: Там же. С. 162–163 (№ 623).

⁵³ Валовая нумерация томов проставлена только на корешках бумажных издательских обложек (она не отражена в каталоге библиотеки, составленном Модзалевским).

⁵⁴ 24 октября 1835 года Пушкину были поставлены тома со 141-го по 146-й, 5 мая 1836 года — том 147-й, 2 июля 1836 года — тома со 148-го по 154-й (см.: *Летописи Государственного литературного музея*. М., 1939. Кн. 5. Архив Опеки Пушкина / Ред. и комм. П. С. Попова. С. 50, 53, 54).

⁵⁵ Второй том «Сатирикона» вышел в 1835 году под серийным номером 151 («CLI^e livr. <aison>») и попал в библиотеку Пушкина значительно позднее первого — 2 июля 1836 года (см. прим. 54).

⁵⁶ Подробно об интересе Пушкина к Петронию см.: *Любомудров С. И.* Античный мир в поэзии Пушкина. М., 1899. С. 55–60; *Черняев Н. И.* «Цезарь путешествовал» (Отрывок о смерти Петрония) // Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 422–486; *Толстой И. И.* Пушкин и античность // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 14. С. 80–

Оба тома этого издания «Сатирикона» разрезаны: первый — полностью, второй — до комментариев (с. 1–279, включая фрагменты, приписываемые Петронию).⁵⁷ Примечание к слову «frater», впервые возникающему в тексте главы IX, посвящено семантике этого слова в контексте романа: «*Tuus inquit iste frater. Le nom de frater, que l'on trouvera plusieurs fois répété dans cet ouvrage, était un nom de débauche chez les Romains: il signifiait un mignon; mais il est plus exactement rendu par le mot de giton, emprunté à un des personnages de cette satire, et pris substantivement pour désigner celui qui se livre au vice honteux de la pédérastie. Nous verrons plus loin soror signifier une maîtresse*». ⁵⁸ Близкое толкование дает и кельнское издание «Сатирикона» 1694 года.⁵⁹

Укажем еще на одну возможную параллель наброска «Что с тобой, скажи мне, братец?...» с одним из вставных эпизодов «Сатирикона» — фантастической историей о волке-оборотне, которую Никерот рассказывает на пиру Трималхиона в ответ на его просьбу: «Прошу тебя, сделай мне удовольствие, расскажи, что с тобой приключилось?».

Вот краткое изложение истории, которая случилась с гостем Трималхиона и повергла в суеверный ужас всех сотрапезников, искренне поверивших в нее. В те времена, когда Никерот был слугой, он, воспользовавшись отсутствием хозяина, решил навестить недавно овдовевшую жену трактирщика, в которую был влюблен. Никерот пригласил в попутчики «солдата, сильного, как Орк» (то есть «как смерть»). Они отправились в путь лунной ночью, после первых петухов. Когда дошли до кладбища, приятель Никерота «остановился у памятников; <...> разделся и платье свое у дороги положил», «обмочился вокруг одежды и вдруг обернулся волком, <...> завыл и ударился в лес!». «Я спервоначала забыл, где я, — продолжал гость Трималхиона. — <...> Если кто перепугался до смерти, так это я. Однако вытащил я меч и всю дорогу рубил тени,⁶⁰ вплоть до самого дома моей милой. Вошел я белее привидения. Едва духа не испустил; пот с меня в три ручья льет, глаза закатились; еле в себя пришел... <...> Все молчали, пораженные. „Прости меня, но у меня, честное слово, волосы дыбом встали“, — заговорил наконец Трималхион». ⁶¹

«[Бледен он, как муж <?> убийца]»; «[Бледен он, всклокочен волос]» — эти портретные детали в набросках первого стиха, зачеркнутых Пушкиным, соответствуют образному ряду вставной новеллы «Сатирикона»

82; Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 15–27; Петрунина Н. Н. Проза Пушкина (Пути эволюции). С. 291–292; Рак В. Д., Федотова С. Б. Петроний // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. Пушкин и мировая литература. Материалы к Пушкинской энциклопедии. С. 241.

⁵⁷ В описании библиотеки Пушкина ошибочно указано, что «т. II не разрезан» (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 163).

⁵⁸ Le Satyricon de T. Pétrone / Traduction nouvelle par C. H. D. G., avec les imitations en vers, et les recherches sceptiques sur le Satyricon et sur son Auteur de J. N. M. De Guerle. Paris, 1834. Т. 1. Р. 280. Пер.: «Слово „брат“, которое будет повторяться в этом сочинении несколько раз, было синонимом разврата у римлян; но точнее оно переводится словом „Гитон“, по имени одного из персонажей этой сатиры, и обозначает того, кто предается позорному пороку педерастии. Дальше увидим, что слово „сестра“ употребляется в значении „любовница“».

⁵⁹ «On trouve dans plusieurs endroits de cet Ouvrage, que *Frater* étoit un nom de débauche: chez les Romains il signifie un FAVORI; mais FAVORI ne dit pas assez; le mot qui nous est venu d'Italie l'exprime beaucoup mieux» (La Satyre de Petrone, Traduite en François avec le Texte Latin, suivant le nouveau manuscrit Trouvé à Bellegrade en 1688... Cologne, 1694. Т. 1. Р. 32). Пер.: «В нескольких местах этого сочинения мы находим, что слово „брат“ было синонимом разврата: у римлян для этого используется слово „фаворит“, но „фаворит“ недостаточно передает смысл; слово, пришедшее к нам из Италии, передает его гораздо лучше».

⁶⁰ В примечании к этому месту Б. И. Ярхо указывает, что в лейпцигском издании «Пира Трималхиона» (1906) Л. Фридендер переводит это слово как «привидения» (Петроний Арбитр. Сатирикон. С. 116).

⁶¹ Там же. С. 114–116 (главы LXI–LXIII).

о злключениях Никерота, воспроизводят ее атмосферу. Пушкин, намечая первую строку стихотворной вставки для своей повести, сначала, по-видимому, предполагал, что Петроний, увидев на пороге библиотеки гостя, укажет на него, обратившись к своему «домашнему лекарю» Септимию, с которым рассуждал до этого «о роде смерти» (8, 936). Впрочем, это начало сразу же было отвергнуто, в рукописи появился стих: «Что с тобой, скажи мне, братец?..», и следующие десять стихов «насмешливого» экспромта Петрония, адресованного уже непосредственно другу-стихотворцу, сложились, судя по автографу, довольно быстро. В них легко угадываются восходящие к упомянутому эпизоду «Сатирикона» и живые образные сравнения («Бледен <ты>, как святотатец», «Волоса стоят горой»), и сама сюжетная коллизия («Иль смущен ты привиденьем»; первоначальный вариант: «Иль гоним ты привиденьем»). Кроме того, герой второй стихотворной вставки «<Повести из римской жизни>», сочиняющий стихи в муках «дикого вдохновенья» («беснуясь» — в одном из вариантов), напоминает еще одного персонажа авантюрного романа Петрония — нищего поэта Эвмолпа, «седовласого старца с лицом выразительным и носившим печать какого-то величия», побиваемого камнями за безудержную декламацию своих стихов и отовсюду за это изгоняемого — из местной пинакотеки, театра, бани.⁶² Эвмолп неистовствует даже во время кораблекрушения, чем в очередной раз изумляет своих спутников Энколпия и Гитона: «Мы услышали странные звуки, которые раздавались из-под каюты кормчего: точно дикий зверь рычал, желая вырваться на свободу. Пойдя на звук, мы наткнулись на Эвмолпа: он сидел и на огромном пергаменте выписывал какие-то стихи. Пораженные тем, что Эвмолп даже на краю гибели находит возможным заниматься своими поэмами, мы, несмотря на его крики, выволокли его наружу и велели образумиться. А он, рассердившись, что ему помешали, кричал: „Дайте же мне возможность закончить фразу: поэма уже идет к концу“. Тут я ухватил рыкающего от гнева сумасброда и велел Гитону помочь мне отвезти его на землю».⁶³ На следующий же день спасенный от гибели Эвмолп возвращается к своему обычному состоянию и, «устремив вдаль свои взоры» и «призывая к себе вдохновение»,⁶⁴ сочиняет надгробную надпись утонувшему во время бури хозяину корабля.

Ю. М. Лотман, анализируя фрагмент сохранившегося плана «<Повести из римской жизни>» о возможном пути осуществления этого пушкинского замысла (Петроний «диктует Satyricon — рассуждения о падении человека — о падении богов — о общем безверии — о предрассудках Нерона»; 8, 936), писал: «Неясно, собирался ли Пушкин дать переводы или пересказы произведения Петрония или, что кажется более вероятным, судя по наброскам плана, создать свою стилизацию не дошедших до нас отрывков „Сатирикона“».⁶⁵

Этот план Пушкина остался нереализованным, но одним из опытов стилизации, о которой писал ученый, можно считать вторую стихотворную вставку «Что с тобой, скажи мне, братец?..» — поэтическую «шалость», изящную шутку пушкинского Петрония, вроде тех «шутливых песен» и «легкомысленных стихов», которые, согласно рассказу Тацита в «Анналах»,⁶⁶ готовящийся к смерти римский писатель слышал от друзей в свои последние часы.

⁶² Там же. С. 140, 148–149.

⁶³ Там же. С. 183–184 (глава СХV).

⁶⁴ Там же. С. 185.

⁶⁵ Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе. С. 18. О «смеси стихов и прозы, приемах пародии, имитации, контраста» как «наиболее характерных чертах художественной манеры и стиля» самого Петрония см. в работе И. П. Стрельниковой «Сатирико-бытовой роман. Петроний» (с. 291 и др.).

⁶⁶ Тацит К. Соч. Т. 1. С. 320.